

Общая газ. - 1996. -
26 сент. - с. 10.

И М Я

Самое большое наказание — хаос

В «Театре около дома Станиславского» в битком набитом маленьком зале счастливики имели возможность увидеть шесть представлений нового спектакля Резо ГАБРИАДЗЕ «Песнь о Волге». Наш разговор состоялся за неделю до московской премьеры.

— Реваз Леонович, вы раньше никогда не обращались ни к истории, ни к политике. Что вас вынудило создать спектакль о Сталинграде?

— Много причин. Двадцатый век — один из самых ужасных веков. Кто только придумывал термины! Не было Первой и Второй мировых войн, а была одна мировая. Ни минуточки она не прекращалась и сейчас идет. Горит мир, горит. И этот геологический сдвиг, который произошел на одной шестой части мира, он сравним разве что с охлаждением планеты...

— Вы имеете в виду распад Советского Союза?

— Безусловно. Вы представляете, миру открылось пространство, равное обеим Америкам. И в этих Америках Кузбассы, Донбассы, тысячи атомных бомб, сорок атомных станций. Страшная картина получается! И внутри каждого дома, каждого офиса идет война. Делят деревья, женщин, озера, хребты... Я убедился, самое большое наказание для человечества — это хаос. Говорят, сначала было слово. Когда мы наказываемся Богом, то лишаемся логики. Слово и есть логика, то есть величайший дар, который мы получили от Бога. Я не хочу, чтобы через вашу газету множилась моя грусть и тоска, и так людям тошно, но люди должны знать, что боржомские леса, они такие же русские, как для меня, допустим, карельские. Это наши легкие. И когда народ, чтоб согреть детей, рубит их, — это страшно. И об этом пусть подумают люди, которые могут, например, перекрыть газ одному народу, другому

народу. Особенно жалко горы, неповторимые скульптуры творца. Как-то реанимируются ямы, болота, а горы — никак. Я уповаю на Господа, думаю, что он вернет нам простую человеческую логику.

— Вы долгое время работали на Западе. Считаете ли вы годы, проведенные там, эмиграцией?

— Вначале нет. А потом я понял, что это и есть эмиграция. До 50 лет выехать для меня было чрезвычайно трудно. Лучше было бы узнать мир раньше. Но я благодарен судьбе, что мне это удалось. Кроме того, я не был праздным. Я выступил как режиссер-постановщик, художник и автор не кукольных, а драматических спектаклей «Кутаиси» и «Какая грусть — конец аллеи». Для самых маленьких детей поставил «Помоги нам, святой Антуан!». Есть такой замечательный святой, который помогает всем, кто что-нибудь теряет, начиная от ключей и кончая любовью.

— А как вы вспоминаете ваше пребывание в театре Образцова?

— Это была и моя ошибка, и ошибка театра. Мы разные, совершенно разные. Это великий театр великого маэстро. Я там был немножко инородным телом. Грустно, конечно, но логично. За короткое время перезнакомиться и понять 300 человек чрезвычайно трудно. И не нужно. Хотя я на Западе без языка, но у меня ощущение, что я здесь был без языка, за границей меня гораздо легче понимают. Но были и прекрасные моменты. Встреча с замечательными мастерами театра Образцова — Виктором Платоновым, Светланой Павловой, Аней Викторовой, Аней Итовой. Это совсем молодые люди, большинство из них не актеры, они сами делали куклы. Все было как в средние века, как и должно быть. Люди, делающие куклы, сами должны играть.

— Как это было в вашем тбилиском театре. А вы знаете, Реваз Леонович, когда я посмотрела ваши первые тбилиские спектакли, они настолько поразили и заразили меня, что я стала делать домашний театр марионеток.

— Очень хорошо, что они понуждают к этому. До вас этим занимался Гёте в Веймаре.

— А у вас в детстве были домашние спектакли?

— Нет, это были времена, когда о такой из-

неженности, как кукольный театр, слуха не было. Впервые я посмотрел его в 45 лет. Но я вырос в артистическом мире. В глухой забытой деревушке в полуразрушенную церковь ночами приходили юноши и девушки. Мальчики клали под рубашку 2 яблока и изображали девочек, девушки мазали сажей усы, так смешно! Там была энергия и магия искусства, о которых так мечтают самые великие режиссеры.

— На вас влиял кто-нибудь в вашем творчестве?

— Трудный вопрос. Я получил как бы полуклассическое образование. С одной стороны, советская школа, с другой стороны, книги. Учителя — тетя Агнесса, тетя Нелли и дядя Миша, католики, это уже другие книги. Я по ним параллельно учился. Потом стал скульптором. В Тбилиси, когда строили киностудию, столько цивилизаций вырлы, что дошли до каменного века. Тогда на чем-то чествовании я сказал, что вот и круг замкнулся, мы сделали произведение, достойное каменного века.

— Вы собираетесь вернуться в Тбилиси?

— Вот вопрос, который очень существует для меня. Сейчас я хочу поставить спектакль в Грузии. Потом у меня есть в Москве договоренность с «Новой Оперой» Колобова. Но о своих планах говорить нельзя. Когда яблоко передержишь в руках, оно в кашу превращается.

— Сохранился ли в Тбилиси замечательный театр, который вы создали?

— Естественно, он разделил судьбу и тяготы всей Грузии. Но вообще театр имеет свойство меняться и при благополучных обстоятельствах. Прелесть и трагичность театра в том, что спектакли — это бабочки-однодневки. А вы видели что-нибудь красивее бабочки?

— А какие имена вас интересуют на теперешнем театральном небосклоне?

— В России я мало видел. Поражаешься молодости долгожителей — Олега Табакова, Каллигина. И молодых много. Пару спектаклей я видел, но там очень кричали, пугали меня. Простые слова «Мама, дай воду» не говорили, а выкрикивали. А когда очень хотят напугать, тогда как раз и не страшно. Вообще, спектакль должен быть сделан так, чтобы не было стыдно его смотреть. А большинство спектаклей сделаны так, что куда деть голову не знаешь.

Кряхтишь, сопишь, начинаешь шуршать конфетами. (Смеется.) Это ужас. Одна из последних замечательных книг Питера Брука «Когда торжествует дьявол». Как я понял с моими знаниями французского, если двое зрителей перестают смотреть на сцену, а смотрят друг на друга — это и есть торжество дьявола на сцене.

— Как вы относитесь к молодому поколению в целом? Они не вызывают у вас протеста?

— Они очень серьезные люди. Они основательнее, далеко ушли от нас именно в мироощущении. Мы же были легкомысленные, дурашливые до омерзения. Они вызывают у меня только восторг, любовь и благодарность, потому что открывают мне многое внутри себя. Хотя от многого мне хочется их предостеречь, но это до меня никому не удавалось.

— А в будущем вы смотрите с верой? Как вы себя ощущаете — оптимистом или пессимистом?

— Как может исчезнуть Божий мир, слишком много красивого! Кто такой человек, чтобы Бог дал ему право уничтожать эти листья, горы. Пессимизм, оптимизм. Трудный вопрос. Сердце все пропускает через себя и, видимо, от этого когда-нибудь отказывает. Последний спектакль в этом смысле был очень трудным. Трудный по теме. Сталинград, еще в куклах, еще в такие времена. И мое абсолютное непонимание современных административных правил. Все это рождало очень много недоразумений, но, как и должно быть в хорошем театре, все кончилось очень хорошо. Мне помогли ленинградские друзья, я уж не говорю о министре Сидорове. На последнем этапе Константин Александрович Шербаков, его заместитель, стал просто хранителем спектакля. Очень хочу всех поблагодарить, я уже написал 4 листа благодарности, они вывешены в театре. Особая благодарность французам и немцам. Интересно, что первый спектакль, который состоялся в Дижоне, был респектабелен, а потом молодежь стала вытеснять солидную публику из зала, а на последних спектаклях были совсем мальчишки и девочки. Вот это хотелось бы сказать, потому что я пользуюсь любой возможностью быть благодарным. И питерцам, и французам, и москвичам.

Беседовала
Майя МАМАЛАДЗЕ